

Р.В. Рывкина

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ

РЫВКИНА Розалина Владимировна — доктор экономических наук, заведующая лабораторией экономической социологии Института социально-экономических проблем народонаселения РАН. Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 95-06-17381).

Достигнуты ли поставленные цели?

Вопрос о ходе и результатах рыночных реформ 90-х годов в последнее время в официальных кругах не звучит. Обсуждаются конкретные экономические проблемы — бюджет, финансовая стабилизация, спад производства, положение с налогами. О реформах упоминается лишь в контексте выполнения обязательств перед западными банками. Создается впечатление, что вопрос как бы снят с повестки дня. Но чем все же закончился более чем четырехлетний период рыночных реформ, достигнуты ли цели, провозглашенные в 90-е годы?

Если вспомнить их, то главными были три. Первая касалась собственности и состояла в том, чтобы преодолеть ее огосударственный сектор, уничтоженный в советское время. Вторая цель касалась управления — требовалось заменить административно-командную систему, которая считалась главным тормозом развития экономики, на более гибкую, соответствующую рыночным отношениям. Наконец, третья цель касалась работников и состояла в том, чтобы преодолеть их отчуждение от общественного труда, усилить стимулы, сформировать новую трудовую мотивацию, "чувство хозяина".

Удалось ли реализовать эти цели?

Ответы даются разные. Официальные круги, что уже отмечалось, концентрируют внимание лишь на сложившейся экономической ситуации, в частности, на финансовой стабилизации. Оппозиция считает, что реформы провалены и ведут к полному краху экономики. Сугубо отрицательно оценивают ход реформ представители сельского хозяйства, ВПК, многих отраслей гражданской промышленности.

Мы проанализировали этот вопрос на основе информации, полученной от 200 экспертов ВЦИОМ [1]. Они оценивали 15 направлений экономической реформы, продекларированные в программе "Переход к рынку" [2]. Положительный ответ получен только по отношению к трем направлениям реформы: по мнению 84% экспертов, удалось разрушить старую систему управления экономикой (и только 2% посчитали, что удалось создать новую систему управления); 77% ответили, что удалось наполнить рынок товарами, 62% — обеспечить экономическую свободу. Что касается остальных направлений реформы (таких, как приватизация, конверсия, реформа банковско-финансовой и налоговой систем, земельная реформа, структурная перестройка экономики и др.), то, по мнению 70-90% экспертов, осуществить их не удалось (табл.1).

Аналогичную оценку дали ученые независимого Института экономического анализа: они считают, что проводившиеся в России преобразования с конца 1993 года практически прекратились; 1994 год в истории экономических реформ они назвали "потерянным" [3].

В целом немало оснований считать, что прямые экономические цели реформ не реализованы. Однако при более широком подходе — если учитывать не только их экономические результаты, но и социально-экономические последствия — складывается несколько иная картина.

Во-первых, реформы 90-х годов сильно ослабили роль государства в экономике. Например, в обследовании 216 оборонных предприятий, проведенном весной 1995 года по заказу Лиги оборонных предприятий, было выявлено, что государственными из них остаются 44%, тогда как 56% уже имеют тот или иной негосударственный юридический статус [4]. Другое дело — какие именно появились собственники, как они осуществляют управление, как используется капитал. Но перемены бесспорны.

Таблица 1

Мнение экспертов о ходе экономических реформ в 1993-1994 гг., %

Удалось ли за последний год	Скорее, удалось	Скорее, не удалось	Не знаю
Разрушить старую систему управления	84	14	2
Создать новую систему управления, соответствующую рыночной экономике	2	96	2
Раскрепостить людей, обеспечить экономическую свободу	61	36	3
Провести приватизацию	35	64	1
Приостановить спад производства	4	94	2
Приостановить инфляцию	13	86	1
Замедлить падение уровня жизни	21	78	1
Снизить экономическую преступность, коррупцию, взяточничество	1	98	1
Стимулировать инвестиции в экономику	4	96	0
Наполнить рынок товарами	77	21	2
Создать новый класс собственников, предпринимателей, фермеров	45	53	2
Нормализовать политические условия для реформирования экономики	12	86	2
Осуществить конверсию	9	86	5
Создать работающую налоговую систему	11	88	1
Улучшить отношение основной массы работников к труду	10	85	5

Во-вторых, миллионы жителей России впервые начали учиться жить и работать в условиях рыночной экономики, пользуясь предоставленной экономической свободой. Немало людей уже имеют свои предприятия, свой бизнес. Из 2000 работников, опрошенных ВЦИОМ по репрезентативной выборке (май 1995 года), 4,6% были владельцами или совладельцами частных предприятий, еще 5,4% занимались индивидуальной трудовой деятельностью (торговля, ремесленные занятия, промыслы и т.п.); 24% опрошенных владели акциями, 36% были намерены купить недвижимость, 35% — положить деньги в банк и получать проценты, 31% — начать свой бизнес [5].

В-третьих, за годы реформ получили практическую проверку многие виды новых экономических организаций, которые прежде были знакомы только специалистам (акционерные общества, ТОО, частные и совместные предприятия, коммерческие банки, биржи, клиринговые центры и др.). Стало яснее, пригодны ли они для России, что именно могут дать, как их использовать. Самый яркий пример — увы, негативный — практическая проверка программы аграрной реформы: при нынешних экономических условиях фермерство оказалось не реализуемым; доказана и ошибочность политики разрушения колхозов и совхозов [6].

Итак, можно говорить о явном позитивных последствиях, касающихся характера форм собственности в российской экономике — зарождающегося негосударственного (включая и частный) сектора, где (по идее) должны действовать экономические законы "цивилизованного рынка". Это — тот "росток", с которым связаны надежды на подъем экономики России.

С другой стороны, зарождение частного капитала в России сопровождается тяжелейшими негативными последствиями для большинства населения страны. Нет нужды доказывать, что одного разрушения старой системы для создания цивилизованной рыночной экономики недостаточно: необходимы новые эффективные экономические институты; нужны цивилизованные, граждански ориентированные и компетентные кадры во всех звеньях экономики. Направление реформ, как известно, в немалой мере зависит от "первых лиц" в управленческих и хозяйственных структурах — от социальных качеств экономической элиты. Тут-то и возникли основные проблемы.

В обстановке экономической свободы, когда старые нравственные и правовые нормы уже не действуют, а новых еще нет, элита оптимизирует свой личный, эгоистический интерес. Это привело к тому, что возник новый социальный механизм развития экономики — механизм с отрицательной "обратной связью". Пошли социальные

процессы, явившиеся как бы реакцией экономической элиты на прежние и новые государственные запреты. Хотя по содержанию эти процессы различны (одно дело — переправка капитала за рубеж и рост неплатежей, другое — наемные убийства бизнесменов), но их генезис сходен: отсутствие гражданских ограничений, абсолютное доминирование групповых и индивидуальных интересов. Причем, можно наблюдать, что групповой экономической эгоизм бизнесменов усиливается групповым экономическим эгоизмом чиновников. Результат общеизвестен: реформа в интересах меньшинства. Все это сказалось на отношении к проводимым преобразованиям "простых людей".

Противоречивость отношения населения к реформам

Опросы последних лет показывают, что все больше людей сожалеют об отказе от государственного регулирования экономики, а доля тех, кто предпочитает рыночные отношения, падает. Как видно из данных таблицы 2, динамика оценок в 1992-1993 годах и в 1993-1995 противоположна [7]. Если в первый из этих двух периодов престиж государственной системы управления экономикой резко упал, то в течение второго этапа он снова стал расти. Соответственно менялась "кривая оценок" рыночной системы: население четко проголосовало против рыночного регулирования экономики.

Таблица 2

Динамика оценок экономических систем

Какая система кажется более правильной?	1992	1993	апрель 1994	май 1995
Основанная на государственном планировании и распределении	33	7	35	39
Основанная на частной собственности и рыночных отношениях	42	81	30	22
Не знаю	25	12	35	39

Парадоксальность ситуации в том, что, активно адаптируясь к рынку, люди в то же время все сильнее отчуждаются от той экономической системы, которая рождается вместе с рынком, от тех экономических институтов (например, налоговых, контрольных), которые присущи странам с развитой рыночной экономикой.

Об этом свидетельствуют ответы населения на вопрос: "Что вы думаете о нынешних экономических реформах в России: надо или не надо их продолжать? Почему?" В таблице 3 приведены полученные ответы.

Таблица 3

Отношение к продолжению реформ

Я думаю, что...	%
рыночные реформы надо продолжать, поскольку только через рынок страна придет к процветанию	8
рыночные реформы надо продолжать, поскольку к старой системе уже не вернуться	15
рыночные реформы необходимы, но другие, с социальной защитой населения	50
реформы надо прекратить, поскольку в России они не получаются	14
рыночные реформы надо прекратить, чтобы восстановить в стране социализм	13

Только 8% считают, что рыночные реформы без каких-либо оговорок необходимы для развития экономики. Больше четверти опрошенных полагают, что реформы надо прекратить. Половина согласна на реформы, но при условии, чтобы сохранилась прежняя социальная защищенность [5]. Все это означает, что ответ на вопрос "продолжать или не продолжать рыночные реформы", скорее, отрицательный. Особенно если учесть еще и то, что около 90% опрошенных высказали сомнение в правильности решений, принимаемых правительством.

Отчуждение жителей страны от создаваемой экономической системы и от государства как субъекта управления экономикой отнюдь не безобидно. Напротив, оно, с одной стороны, ухудшает общее настроение людей, усиливает тревожность, раздражительность, взаимную неприязнь, с другой стороны — пробуждает глубинные инстинкты, усиливает антисоциальное поведение, включая самые тяжелые формы преступности.

Такой поворот в экономическом сознании имеет свои причины. В начале реформы жители России понимали ее цели и потому поддерживали их, надеясь на то, что на производстве, наконец, будет наведен порядок. Однако постепенно о целях реформирования перестали говорить. О порядке на производстве тоже забыли. Реализуемый властями чисто финансовый подход к экономике, который полностью вытеснил подход социальный, отдаляет население от реформ. Эту отдаленность подтверждает и отношение работников к новым субъектам экономики. В таблице 4 сопоставлены ответы на три вопроса: 1) *кто реально владеет* предприятием; 2) кого опрашиваемые работники *хотели бы видеть* собственником своего предприятия; 3) кто, по их мнению, *будет* собственником этого предприятия [5].

Ответы показали, что приоритетной группой является трудовой коллектив: 40% опрошенных хотели бы, чтобы именно он стал хозяином предприятия. Очевиден большой разрыв между этим желанием, с одной стороны, и реальной ролью трудовых коллективов сейчас и в будущем, с другой (расхождение в оценках — почти в 4 раза). На фоне отношения к трудовому коллективу как хозяину предприятия все другие возможные собственники получили весьма малые доли голосов. Так, только 14% опрошенных хотели бы, чтобы собственником их предприятия был директор (хотя 56% указали, что сейчас предприятиями владеют именно директора).

Но главное в другом: ничтожно малая доля опрошенных (3%) хотели бы, чтобы собственниками предприятия стали российские бизнесмены. Столь же мало желающих, чтобы хозяевами были местные и федеральные власти. Если учесть негативное отношение народа к властям, то очевидно, что престиж российских бизнесменов чрезвычайно низок.

Таблица 4

Мнения о владельцах предприятий

Реальные, возможные и желаемые хозяева предприятия	Кто сейчас хозяин вашего предприятия?	Кого бы вы хотели видеть хозяином?	Кто реально будет хозяином?
Трудовой коллектив	11	40	11
Директор, нынешняя администрация	56	14	36
Акционеры	10	13	8
Российские бизнесмены	2	3	2
Иностранцы	1	3	0
Местные органы власти	12	3	6
Федеральные органы власти	7	2	2
Мафия	1	0	1
Предприятие не подлежит приватизации	0	22	34

О том же свидетельствуют и ответы на прямые вопросы, касающиеся капиталистов, банкиров, коммерсантов, то есть новых субъектов экономики, которые приходят на смену прежнему единственному Хозяину — государству. Например, на вопрос "Как вы думаете, к чему стремятся российские бизнесмены — только нажить больше денег или также помочь обществу?" — 77% опрошенных ответили: "только нажить больше денег". На вопрос "Существует ли честный бизнес?" 42% ответили, что "всякий бизнес — обман и спекуляция". Это — симптом разочарования, накопившегося в ходе рыночных реформ в 1992-1995 годах, крепнущее убеждение, что они едва ли что дадут "простым людям".

За негативным отношением к "новым русским" — более глубокий феномен: неприятие капитализма. Перспектива его развития в России вызывает у жителей страны резко негативную реакцию (табл. 5).

В каком обществе вы хотели бы жить (%)

	Да	Нет
Если бы было возможно, то хотели бы вы, чтобы жизнь в России вернулась к такой, какой была в СССР до 1985 года?	69	31
Правится ли вам, что Россия пошла по пути капитализма, что в ней появились бизнесмены, миллионеры, банкиры?	25	75

Налицо противоречие. С одной стороны, люди не только уже живут в новых социально-экономических условиях, но и активно используют новые возможности, включаются в рыночную деятельность. С другой стороны, явно "просоветские" и "антикапиталистические" оценки означают их отчужденность, оппозиционность по отношению к складывающейся социально-экономической и политической системе. Не желая лишаться благ, которые предоставлял советский строй, люди взвешивают нынешние перемены на весах "преимуществ социализма". И хотя соизмерять эти плохо сравнимые условия — советский социализм и нынешний "криминальный капитализм" — трудно, большинство населения выбирает старую систему (хотя на практике стремится использовать все плюсы новой!).

Таким образом, одновременное включение в рынок и неприятие процесса капитализации наглядно показывают, сколь противоречиво формирующееся в России новое экономически (е) сознание.

Очень ярко это проявилось в уже упомянутом опросе директоров оборонных предприятий. Им были заданы четыре взаимосвязанных вопроса — о конкретных шагах новой экономической политики (проведение приватизации, конверсии) и об общем курсе нынешнего правительства. Выявилось следующее: три четверти директоров не согласны с курсом правительства на формирование капиталистической экономики (более половины директоров считают, что проводится именно такой курс). И в то же время 60% ответили, что на их предприятии были необходимы приватизация и конверсия [4].

Подобная противоречивость обостряет социальные последствия экономических преобразований. В частности, отчуждение большинства населения от государства и его институтов рождает социальную дезорганизацию, которая создает благоприятный фон для преступности, что, в свою очередь, резко ухудшает условия развития той самой рыночной экономической деятельности, к которой начали тянуться люди.

Но, несмотря на это, новые ценности, адекватные рыночной экономике, все же возникают.

Новые критерии ценности труда

В советские времена господствовала официальная концепция, согласно которой работник социалистического предприятия (в отличие от капиталистического) содержание труда, его полезность для общества ценит выше, чем заработок. Эта утопия была опровергнута еще до начала перестройки. В нынешней России формируется (если уже не сформировалась) новая система критериев ценности труда — его различных видов, стимулов, мест приложения. В рыночной экономике она должна быть иной, чем была в советской, при государственной собственности. Коллективизм, социальность труда должны все более уступать место "экономическому индивидуализму". А в условиях дезинтеграции народа и власти индивидуализация мотивов труда может принимать самые негативные формы. К тому же в условиях резкого снижения жизненного уровня большинства населения страны неизбежно должны появляться новые стимулы, направленные на компенсацию потерь от разрушения социальной сферы предприятий, которая раньше удовлетворяла основные социальные потребности — от повышения квалификации и проведения отпусков до поддержания здоровья. Как же меняются ценности труда?

Критерии ценности труда (%)

Работа для меня - это в основном источник получения средств к существованию	69
Работа - дело важное, но есть вещи, которые более	16

Работа для меня важна и интересна независимо от	10
Работа для меня - неприятная обязанность, если бы я мог, то вообще бы не работал	5

Прежде всего, изменилась иерархия критериев. Сегодня, когда коммунистическая доктрина о самоценности труда рухнула, свое законное место заняло материальное вознаграждение труда. На вопрос "С каким из следующих суждений вы скорее согласились бы?" ответы 1000 опрошенных оказались следующими (табл. 6).

Тех, для кого труд является самоценным (независимо от его оплаты), оказалось лишь 10%.

Второе значимое изменение в системе критериев ценности труда состоит в том, что сегодня в ней важное место занимают социальные гарантии. Появление этого критерия связано с высокой ценой, заплаченной обществом за реформы, — снижением социальной защищенности людей, утратой той уверенности в завтрашнем дне, которую они имели во времена СССР. В результате сегодня при выборе мест занятости люди учитывают не только заработок, но и гарантии на будущее. Это проявилось в ответах на вопрос "Если бы вы могли выбирать, то что бы вы предпочли: гарантированные стабильные, но невысокие доходы или высокие доходы, но без гарантий на будущее?". Ответы оказались следующими (табл. 7).

Как видно, доля работников, предпочитающих стабильную занятость, гарантированное место работы, в 3,5 раза больше, чем доля тех, кто предпочитает высокие доходы даже при отсутствии таких гарантий. Примечательно, что четверть опрошенных работников не имеет определенного мнения, не знает, какой вариант лучше. Это симптом "переходного" сознания.

Таблица 7

Отношение к социальным гарантиям (%)

Предпочли бы:	
Гарантированные стабильные, но невысокие доходы	59
Высокие доходы, но без гарантий на будущее	17
Затрудняюсь ответить	24

Но главный показатель трудовых ориентации — это, конечно, распределение людей по рабочим местам на предприятиях разных типов — от государственных до частных, включая и иностранные, а также вербально выраженный приоритет предприятий с той или иной формой собственности: желание работать на государственном либо том или ином негосударственном предприятии. Если говорить о реальных местах занятости респондентов, то 75% из них — работники госпредприятий (включая государственные АО), 9% — негосударственных АО, 8% заняты на частных предприятиях, 5% работают на предприятиях, принадлежащих коллективу. Что же касается приоритетности, то ответы таковы:

Таблица 8

"На каком предприятии вы лично хотели бы работать или иметь свое дело?" (%)

на государственном (включая госуд. АО)	35
на негосударственном акционерном	3
на частном российском	10
на иностранном	12
на совместном	15
хотел бы иметь свое дело или быть совладельцем частной фирмы	10
все равно	15

Как видно, половина опрошенных хотела бы работать на том или ином негосударственном предприятии, а на государственном — 35%. В этом выборе обозначились некоторые неявные критерии, касающиеся широкого комплекса условий труда. В данный комплекс входят двоякого рода условия. Во-первых, экономико-технические: оплата труда, порядок на предприятии, техническое оснащение рабочего места, напряженность, содержание труда. Во-вторых, социально-правовые условия: защита прав работников, отношение к ним администрации, взаимоотношения в коллективе. В ответах на вопрос, касающийся всех этих условий на предприятиях разных форм собственности, выяснилось, что, по мнению работников, на государственных предприятиях лучше социально-правовые, но хуже экономико-технические условия труда. На иностранных частных, напротив, лучше экономико-технические, но заметно хуже социально-правовые условия. Если учесть это, то получается, что для опрошенных работников, половина которых, повторю, хотели бы работать на негосударственном предприятии, экономико-технические условия труда важнее, чем социально-правовые. Проще говоря, если на иностранном предприятии выше оплата, то отсутствие защиты прав, отношение администрации, взаимоотношения в коллективе (которые на иностранном предприятии хуже) отодвигаются на задний план.

Однако главное, магистральное изменение в сфере труда, в критериях его ценности, касается другого: сегодня люди осваивают такие виды экономической деятельности, которые находятся не в сфере производства, а в сфере распределительных, товарно-денежных и финансовых отношений. Это — симптом перелома в отраслевой структуре экономики. Ведь среди прочих дефектов структуры, сложившейся в СССР, важнейшим была неразвитость сферы обслуживания*. Более четырех пятых работающих были заняты в производстве. Сфера обслуживания, сфокусированная на учебных, медицинских, культурных и бытовых учреждениях (что само по себе являлось, конечно, чертой положительной) исключала внешнеэкономическую деятельность граждан, их торговлю недвижимостью, операции с финансами и многие другие виды труда, которые в капиталистических странах привычны для сотен тысяч граждан. С учетом такой предыстории понятно, что те виды рыночной деятельности, которые назвали респонденты — это, по существу, новый канал развития экономики в России, возникший в 90-е годы и постепенно привлекающий все большее количество работников. Тем более, что именно на этих сферах экономики концентрируют свое внимание западные фирмы, предоставляющие достаточно высокие заработки и требующие высокой квалификации и напряженности труда. Расширяя систему рабочих мест за счет банковской и другой финансовой деятельности, эти фирмы тем самым формируют новое экономическое сознание, "Номо Economicus" из числа самой грамотной части молодежи.

Правда, развитие внешнеэкономической, коммерческой, банковско-финансовой и других непроизводственных видов деятельности неизбежно активизирует криминальную экономику, расширяет сферу экономической преступности. Но это последствие структурной перестройки — при всей его тяжести для страны — не должно вести к свертыванию непроизводственных сфер экономики. Надо надеяться, что ее оздоровление будет происходить за счет усиления правового регулирования и развития новой экономической культуры.

Социальная память и собственный выбор

На нынешнее экономическое сознание влияют как идеологические штампы прошлого ("привитое" отношение к капитализму), так и собственный социальный опыт, приобретенный жителями России за последние десять лет [8]. Этапы трансформации общества, пройденные им с начала перестройки, бесспорно, стали одним из главных факторов формирования нового экономического сознания. Полезно напомнить о них.

Первый этап (1985-1987 годы) можно назвать "розовым", или романтическим, поскольку объявленная цель состояла лишь в "косметическом ремонте", лакировке советского социализма. Известные целевые ориентиры апрельского Пленума ЦК КПСС — ускорить НТП и интенсифицировать экономику — не предполагали каких-либо радикальных преобразований собственности и власти. Предполагалось лишь в очередной раз активизировать массы, развернуть их "живое творчество", полнее использовать трудовой потенциал и на этой основе достичь подъема экономики. На том этапе нашей истории все эти сугубо советские, коммунистические лозунги хотя уже и слабо, но все же еще работали.

Однако допущенная сверху гласность, благодаря которой на общество ежедневно обрушивались потоки информации о преступлениях коммунистической системы, оказалась как бы кротом, который, подкапывая устои советского режима, определил его неизбежное падение.

На втором этапе (1988-1991 годы) советская система постепенно теряла свои позиции, потому этот этап, "начало конца" советской системы, ассоциируется с серым цветом. Именно тогда стало ясно, что для подъема экономики необходимо изменить политическую систему. Тем самым под удар была поставлена основа советской системы — диктатура КПСС.

Третий этап (1991) оказался черным для системы: почти 75-летняя диктатура КПСС и советского государства рухнула. Это открыло путь для развития в России не только капиталистической экономики, но и соответствующей общественно-политической системы.

Четвертый этап (1992) можно назвать "зелено-розовым": он характеризовался зарождением первых ростков рыночной экономики и рыночных экономических отношений — освобождением цен, расширением свободы внешнеэкономической деятельности, началом приватизации, развитием малого и среднего бизнеса и т.д. — поэтому отношение к реформе поначалу было оптимистическим (хотя складывалось на фоне "ценового шока").

Пятый этап (1993-1995 годы) воспринимается как "зелено-черный", поскольку наряду с обновлением экономики, ее капитализацией шла и ее криминализация. Действительно, ослабление государственного управления экономикой и политика приватизации стимулировали возникновение основного института капиталистического общественного устройства — института частной собственности. Соответственно возникли и другие, связанные с ним институты — конкуренция, лоббирование, банкротство, рэкет. Капитализация экономики привела к капитализации и неэкономических сфер общества — частная собственность начала проникать в сферы образования, здравоохранения, культуры, в издательское дело, прессу. Расширились мировые экономические связи. Все это породило не менее бурное развитие экономической преступности — появились ее новые формы, произошло ее сращивание с властными структурами, что придает формирующейся системе криминально-капиталистический характер.

Названные этапы трансформации общества сыграли роль своеобразной социальной лаборатории, позволившей жителям России сравнивать разные варианты социально-экономических условий: те, которые они имели в СССР и потеряли, с теми, которые имеют сегодня или могут иметь в будущем. Сравнить и делать свой выбор. И как было показано выше, этот выбор противоречив: люди хотят иметь одновременно и экономическую свободу, и те социальные гарантии, которые имели при социализме. Поняв, что рыночная экономика лишает их этих гарантий — они переоценивают советский социализм.

Люди переоценивают плюсы и минусы демократии и рынка. И приходят к выводу, что минусов не меньше, чем плюсов, что минусы чересчур страшны и не компенсируют плюсов. Остается надеяться на демократизацию экономической политики и усиление ее социальной направленности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения. 1994. NN5-6.
2. Переход к рынку. Концепция и Программа. М.: Архангельское, 1990.
3. Российские экономические реформы: потерянный год. М.: Институт экономического анализа, 1994.
4. Рывкина Р.В., Косалс Л.Я., Симагин Ю.Л. Ситуация на предприятиях ВПК глазами директоров. Отчет об исследовании. М., 1995.
5. Опрос ВЦИОМ 1995-2. В разработке анкеты, кроме автора, участвовали Р.Брим, Л.Я.Косалс и Н.П.Попов.
6. Субъекты аграрной экономики в новых условиях. Отчет об исследовании. Москва. ВЦИОМ, 1994.
7. Опросы ВЦИОМ 1992-1995 гг.
8. Рывкина Р.В. Между социализмом и рынком. Судьба экономической культуры в России. М.: Наука. 1994. С. 39-46.

Р.В.Рывкина

ФОРМИРОВАНИЕ НОВЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ КЛАССОВ В РОССИИ

Рывкина Розалина Владимировна — доктор экономических наук, заведующая лабораторией экономической социологии Института социально-экономических проблем народонаселения РАН и Минтруда РФ.

Основной фактор — разгосударствление собственности

Сегодня Россия переживает период, когда в ней складывается новая система социальных групп (классов, слоев), то есть новая социальная стратификация, в корне отличная от существовавшей в СССР. Поэтому важно сравнить эти два типа стратификации, охарактеризовав хотя бы в самом общем виде "архитектуру" той, что утверждается сейчас.

Она формируется одновременно по многим критериям. В результате в обществе появляются иерархии социальных групп, различающихся по размерам дохода (от нищих и малообеспеченных до миллионеров), по объему власти (от высших государственных чиновников до тех, кто не причастен к власти вообще), по уровню образования и другим критериям. В данной статье рассматривается возникновение одной из таких иерархий — экономической. Она складывается в условиях реформирования экономики, и хотя власть "душит" нарождающиеся классы налогами, однако декларирование курса на приватизацию, на создание фермерских хозяйств, практические шаги правительства по реализации этого курса создают благоприятные условия для разгосударствления собственности, а следовательно — для формирования в будущем реальных собственников.

По официальной оценке правительства, 30 июня 1994 года — исторический день в развитии страны, поскольку в этот день была завершена чековая приватизация. Комментаторы объявили, что с завершением приватизации Россия покончила с социализмом, наступает "время капитала". В интервью газете "Известия" заместитель Председателя Госкомимущества Д. Васильев сказал, что "в России сейчас около 50 миллионов собственников, каждый из которых обладает десятками акций". По его оценке, 70% предприятий уже не принадлежат государству [1]. Однако, наряду с ведомственной, существует и противоположная оценка приватизации: новые собственники эфемерны, безвластны. Из 200 экспертов ВЦИОМ, опрошенных в 1993-994 годах, 57% считали политику приватизации неправильной, 35% — правильной, 8% — не могли дать никакой оценки, ибо, по их мнению, эта политика фиктивна, формальна, не имеет правовой базы, стимулирует коррупцию, носит избыточно коллективистский характер [2].

За расхождением ведомственных оценок и ожиданий общества стоит незавершенность в России процесса формирования новых собственников.

Пока осуществлено лишь формальное перераспределение собственности. В опросе 426 директоров промышленных предприятий, проведенном ВЦИОМ, выявилось, что только 16% предприятий являются государственными, 60% — это АО на базе приватизированных предприятий, 11% — ТОО на той же базе, 5% — индивидуальные частные предприятия и кооперативы, 2% — выкупленные трудовыми коллективами, 2% — на аренде, 1% — совместные предприятия. По оценкам тех же директоров, двумя третями капитала предприятий владеют трудовые коллективы [3].

Эта картина пока существует только на бумаге, она действительно формальна. Реальное перераспределение капитала еще впереди. Но главные условия для формирования собственников уже имеются. Во-первых, государство как собственник средств производства оттеснено на задний план. Во-вторых, формирование даже номинальных собственников предприятий порождает у их директоров, других

компетентных и активных специалистов новую экономическую мотивацию — стремление действительно стать хозяевами своих предприятий. В-третьих, в стране формируются индивидуальные частные собственники на базе не только ранее существовавших, но и вновь созданных предприятий, причем не только в промышленности, но и во многих других сферах производства и обслуживания — быта, туризма, культуры, образования, здравоохранения, охраны порядка, массовых коммуникаций и т.д. В-четвертых, мощным ускорителем процесса формирования частных собственников в России является проникновение западного капитала, создание совместных предприятий.

При всем этом нельзя не видеть весьма неблагоприятные и даже опасные приметы той реальности, в которой происходит этот процесс. Прежде всего, возникающий частный капитал не имеет под собой какой-либо институциональной основы — ни серьезной правовой защиты, ни социальных традиций. Ведь в сложившихся, нормально функционирующих обществах распределение между разными социальными группами собственности, доходов, власти, престижа, разделение прав и обязанностей, функций и ответственности — все это базируется на традициях, которые охраняются устойчивыми социальными институтами. Именно поэтому в развитых странах Европы особых политических катаклизмов по поводу экономической политики правительства не наблюдается. В России же политическая борьба вокруг каждого экономического шага власти — результат того, что требуемых институтов, способных поддерживать и "вписывать" новые экономические формы в "плоть" общества — пока нет; частные собственники возникают вопреки отсутствию всего этого.

Вместе с тем в российском обществе чрезвычайно слабы интеграционные социальные связи и чрезвычайно высока социальная конфликтность. За этим стоит многое, но главное — борьба между сторонниками коммунистической и капиталистической традиций. Политические интересы пока сильнее гражданственных, групповые — сильнее общесоциальных, что тормозит формирование реальных собственников. Ярким примером является судьба российских фермеров [4].

Корни тех политических, идейных, психологических трудностей, на которые натолкнулись процессы формирования рыночной экономики и новой социальной стратификации в России, лежат в той социально-экономической системе, которая три четверти века существовала в СССР. Поэтому, чтобы глубже понять генезис новой экономической стратификации, нельзя не вспомнить недавнее прошлое.

Советское общество как "социальный ген" новой экономической стратификации

Советская система была противоречивой: в реальности существовала одна, а в усвоенной обществом официальной идеологии — другая. Миф и реальность были тесно переплетены.

Действительно, до перестройки вопрос о том, из каких классов состоит советское общество, был как бы решен — в том смысле, что в стране господствовала официальная точка зрения: общество победившего социализма состоит из рабочего класса, колхозного крестьянства и трудовой интеллигенции, "прослойки" между ними, различия между которыми исчезающе малы. На этой концепции базировались основные политические документы — Конституция СССР, Программа КПСС, Постановления СМ СССР и другие, определявшие проводимую политику. Как бы ни критиковали эту концепцию ученые, но нельзя отрицать: в немалой мере по ней жили.

Столь же общепризнанно было и то, что в стране существуют еще и кадры управления, аппаратчики. Считалось, что они входят в состав трудовой интеллигенции и потому как бы не нарушают картины морально-политического единства общества. Хотя многие и понимали, что такое "аппарат" на самом деле, все же большинство населения полагало: в СССР все более или менее равны.

Такое представление имело свои фундаментальные причины. Во-первых, идеологи КПСС тщательно маскировали реальную структуру советского общества, прежде всего — его господствующий класс. На это работали основные политические лозунги ("народ и партия едины" и др.), внедрявшие идею слитности, идентичности партийно-советского аппарата и народа.

Во-вторых, в стране, как известно, не было не только оппозиционных политических партий, но и каких-либо массовых общественных движений, открыто критикующих власть от имени более или менее консолидированных социальных групп, выражающих свои интересы. Групповые интересы, конечно, были, но если они и осознавались, то "загонялись" на дно сознания, куда старались не заглядывать. Не случайно бытовала шутка: "У меня есть собственное мнение, но я его не разделяю".

В-третьих, номенклатура, привычно и без огласки пользуясь положенными (и только такими!) привилегиями, исправно выполняла традиционные для СССР правила взаимодействия с трудящимися — проводила массовые кампании, организовывала соцсоревнование, вовлекала "низы" в управление производством. К секретарям парткомов всех уровней (от заводских и районных до ЦК КПСС) народ ходил жаловаться на своих начальников, искал защиты. И нередко находил ее. Это питало иллюзию об аппаратчиках как части трудовой интеллигенции.

В-четвертых, благодаря весьма эффективной системе идеологической обработки масс удалось создать прочный образ советского общества как системы, основанной на морально-политическом единстве и социалистической взаимопомощи свободных от эксплуатации работников. Этот образ, начертанный в канонизированном Кратком курсе истории ВКП(б) (1938 год), "доводили" до людей на занятиях в школе, институте, кружках политобразования, сеть которых пронизывала всю страну. В результате человек смотрел на жизнь через призму впитанной с детства идеологии. Истинной реальности он чаще всего не знал.

В-пятых, советское общество было обществом трудовых коллективов. Они решали практически все социальные вопросы: обеспечивали жильем, путевками, местами в детские учреждения, дефицитными товарами. В коллективах формировались групповые нормы, соответствовавшие идеологическим установкам партии и государства, что поддерживало идеологию социального равенства.

Все эти обстоятельства и создали нетривиальную ситуацию: истинное строение общества было как бы "в тени". Однако не только западные политологи и советские диссиденты, но и немалая часть населения страны понимала, что на самом деле общество устроено иначе, чем это зафиксировано в официальной идеологии. Разрыв между нею и реальностью откладывался в сознании, создавая тот "пар", который рвался наружу. Именно благодаря этому накопившемуся к концу 80-х — началу 90-х годов "пару" был поддержан курс на реформы. Общественное сознание в существенной мере было готово к ним. Хотя, с другой стороны, последующий ход рыночных преобразований показал, что коммунистическая идеология "сидит" в сознании некоторых слоев общества весьма прочно.

Как же реально сказалась эта "советская наследственность" на формировании новой социальной стратификации в постсоветской России?

Номенклатура как социальный мост между диктатурой КПСС и постсоветским капитализмом

Перефразируя библейскую формулу, можно сказать: сначала была номенклатура. Хотя о ней самой, захвате ею собственности писали много, но ее главная функция осталась незамеченной: она не только преобразовалась сама, но изменила и всю систему социальных групп страны.

Официальный отказ от диктатуры аппарата КПСС и советского государства в экономике, разрушение этих двух самых мощных политических институтов СССР способствовали тому, что постепенно, но неуклонно экономическая власть переходила в руки партийно-советской номенклатуры. Парадоксальный факт: хотя структурные звенья КПСС и Советов ломались, но экономическая сила агентов этих организаций, напротив, росла. Более того, именно открытый слом старых структур создал своего рода "ковёр", под которым из бывших чиновников партийно-советского аппарата успешно формировались новые социальные группы — новые собственники, новый господствующий класс.

Главным условием, способствовавшим успешности этого процесса, было официальное декларирование перехода к рыночным формам хозяйствования. Уже распространявшиеся в середине 80-х годов кооперативы, арендные предприятия при всей их "псевдорыночности", создавали благоприятные возможности для завоевания номенклатурой тех экономических позиций, которых она ранее не имела и в которых остро нуждалась. Поэтому трех перестроечных акций Горбачева — гласности, "нового мышления" и "новых форм хозяйствования" — стало более чем достаточно, чтобы ослабленная ранее номенклатура могла растворить в небытии свои старые и обрести новые социальные роли.

Но почему, говоря о формировании новой социальной стратификации, я акцентирую внимание именно на партийно-советском аппарате? Потому, что, по сути, это был господствующий класс. Именно он инициировал перестройку 80-х годов, в его руках находились все "командные высоты" советской экономики и от него зависели перспективы — какая экономическая система будет формироваться в стране, какой будет судьба "старых" классов (рабочих, крестьян, интеллигенции) и какие новые будут возникать, в каком направлении будет развиваться вся социальная система.

В постперестроечную эпоху, особенно с началом рыночных реформ, поведение ранее "теневое" господствующего класса изменилось — стало более открытым, активным, эгоистическим. Новая ситуация требовала новой стратегии поведения, обеспечивающей занятие престижных мест в меняющемся обществе. В принципе для этого были разные пути — закрепление в новых государственных структурах, создание собственных политических партий, уход в бизнес. Последний путь создавал разные возможности: от ориентации на западный капитал до работы во благо российского бизнеса.

В целом стратегия руководящих работников аппарата КПСС и советского государства оказалась весьма логичной: занимая прежде если не самые престижные, то, по крайней мере, самые мощные по распорядительным функциям места, они стремительно освоили аналогичные места в формирующейся политической системе и экономике. Основу потока советской номенклатуры, устремившегося на эти новые места, составили те, кто создавал рыночные структуры на базе, при помощи и сначала под прикрытием старых государственных структур. Таким образом, есть все основания считать, что пресловутая советская номенклатура, многократно обвиненная во множестве преступлений перед Россией и народами СССР, волею истории стала как бы социальным мостом между советским социализмом и постсоветским "капитализмом". Более того, она оказалась своего рода движущей силой "российского капитализма", поскольку, кроме нее, никакой другой социальной силы, способной "тащить" страну в этом направлении, просто не было. Не боясь высокопарности, скажу больше: на этом этапе истории страны интересы советской номенклатуры и интересы развития общества в целом оказались сходными.

Действительно, не новость, что советская номенклатура всегда заботилась о сохранении и расширении своих властно-распорядительных функций в экономике. А в экономической политике, которую в 1986-1991 годах осуществлял Горбачев, была одна линия, которая работала "на руку" номенклатуре — ослабление централизованного регулирования экономики. В прежнем хозяйственном механизме номенклатура хотя и была "суперсобственником", но оставалась политическим аппаратом, что ставило жесткие ограничения: при всем ее всемогуществе, при том, что она возвышалась над директорами

предприятий и объединений, она оставалась скорее номинальным собственником. Реальным распорядителем национального богатства была лишь чрезвычайно узкая верхушка Политбюро. Но и ее сколько-нибудь значимые хозяйственные решения проводились через множество политических каналов.

К началу горбачевских реформ эта особенность положения номенклатуры ощущалась ею как тормоз, как помеха упрочению ее статуса. Ведь идеологическая деятельность партийных комитетов к этому времени померкла. Их политическая роль, хотя и не в такой мере, но тоже ослабла. Поэтому номенклатура нуждалась в укреплении своего ослабленного статуса. Горбачев с его лозунгами "демократии" и "социалистического рынка" оказался очень кстати.

В целом самым сильным потоком миграции номенклатуры оказался ее переход в рыночные и государственно-рыночные структуры, превращение ее из класса правящих политиков в класс доминирующих собственников, в новый экономический класс, становящийся в данном обществе господствующим.

Происхождение этого нового для России класса определило особенности его сознания и поведения. Главная особенность — эти люди сочетают в себе черты бывших партийных и советских аппаратчиков с чертами обычных предпринимателей. Сохраняющиеся "аппаратные" качества помогают ориентироваться в сложной российской ситуации. Это делает их конкурентоспособными; старые связи и навыки помогают решать новые задачи, что, безусловно, способствует активизации российского рынка, привлекает серьезных западных партнеров. Этот класс подобен мифическому Янусу, поскольку имеет два лица: старое политическое и новое экономическое.

Надо сказать, что на первых этапах реформы номенклатурный характер возникающего рынка глубоко возмущал население страны. Однако вскоре выяснилось, что действительно никаких других социальных групп, способных конкурировать с этими людьми за создание рыночных структур, в России нет. Да и откуда им было взяться? Рабочий класс никогда не осознавал себя в качестве реальной социальной силы (лозунги на этот счет идеологов КПСС никто не воспринимал всерьез). Колхозники давно превратились в наемных работников советского государства. Что касается интеллигенции, то ее социально-экономическое положение ничем не отличалось от положения рабочих и крестьян. Никаких властных полномочий она никогда не имела, тем более — доступа к материальным ресурсам страны.

Быстрая и успешная трансформация бывших партийно-советских руководителей в бизнесменов говорила сама за себя: победителей не судят. Судить-таки и перестали. Сейчас генезис "российского капитализма" конца XX века имеет в основном исторический интерес.

Таким образом, трансформация общества вывела на поверхность господствующий класс, сделав его из "теневого" — явным. Хотя на стадии возникновения две главные функции этого класса, политическая и экономическая, были столь тесно взаимосвязаны, что практически не различались, постепенно внутри общего потока номенклатуры выделились две основные подгруппы — политиков и бизнесменов. Роль политической элиты в формировании новой социальной стратификации сегодня сильнее, чем экономической, ибо при всей стихийности, неуправляемости нынешнего развития страны политика все же главенствует. Именно этот класс, имеющий большинство в Федеральном собрании и других органах власти, играет главную роль в выработке экономической и социальной политики, от которой зависят как возникновение новых классов и слоев, так и направления трансформации тех, которые были в СССР.

Формирование собственников разного ранга: некоторые тенденции

В развитых странах, экономика которых базируется на рыночных отношениях, на свободном распределении, обращении и накоплении капитала, основу социальной стратификации составляет иерархия собственников капитала. Ее образуют классы,

различающиеся по масштабам этого капитала и другим характеристикам, связанным с экономическим положением, — объемом власти, стилем жизни и т.п. Верхний уровень иерархии образуют представители крупного капитала (владельцы крупнейших компаний), капиталисты мирового класса, обладатели наибольшего количества связей, пользующиеся наибольшим влиянием. Далее идут капиталисты среднего ранга и владельцы мелких предприятий.

Что касается нашей страны, то в ней тоже уже имеется своя иерархия собственников, конечно, с поправкой на уровень развития "российского капитализма". В частности, с началом рыночной реформы легализовалась группа, которую называют "новыми русскими", "миллионерами", "бизнесменами". Прочно вошли в жизнь предприниматели разного ранга и профиля. Привычным стал и "малый бизнес". Общеизвестно, что в стране начал формироваться средний класс. Хотя терминология для описания этой стратификации еще не отработана, достоверных и глубоких сведений о ней мало, но даже обрывочные данные показывают, что в стране начала формироваться некая иерархия экономических групп, основу существования которых составляет собственность, капитал. Активно обсуждавшийся еще недавно вопрос о том, правомерен ли частный сектор в России, ушел в прошлое. Сейчас на повестке дня другой вопрос: как обеспечить его выживание?

Российский бизнес имеет свои особенности. Думаю, одна из главных состоит в том, что он в огромной мере "теневой". Причины этого — не только криминальная обстановка в стране, но и уровень развития самого бизнеса. Примечательный факт: описывая "миллионеров", социологи сосредотачивают внимание в основном на их материальном положении, богатстве, и почти не затрагивают род деятельности, ее масштабы, профиль, не говоря уже о характере собственности, капитала [5]. За этим — особый, отраслевой профиль российского бизнеса. В частности, независимые бизнесмены весьма слабо связаны с промышленностью, другими отраслями материального производства, а больше представлены в банковской и торгово-посреднической сферах. Что касается энергетики, "оборонки" и других подобных отраслей, то здесь лидируют "номенклатурный капитал", люди, о которых уже говорилось выше. Этот фактор тоже определяет большой объем теневого поведения в современной российской экономике.

Вторая особенность российского бизнеса — его собственная не легитимность, высокая степень криминальности, а также тесная (хотя и разного характера) связь с криминальными структурами. Глубинные корни того и другого — институциональная неготовность страны к рыночной экономике, проявляющаяся прежде всего в слабости государства, провалившего выполнение правовых и правоохранных функций. При отсутствии требуемых политических и правовых условий цивилизованный рынок возникнуть не мог. Третья особенность — острый дефицит цивилизованных субъектов рыночной экономики, отражающий утрату страной рыночной экономической культуры [6]. Сейчас она начала возрождаться или формироваться вновь. Четвертая особенность российского бизнеса — воспроизведенная в новых условиях оппозиционность субъектов экономики государству, проводимой им политике и принимаемым законам. С другой стороны, само государство, оказавшись в чрезвычайно сложной ситуации, своими необоснованными решениями провоцирует субъектов экономики на внезаконные и(или) преступные способы решения собственных экономических проблем (ярким примером может служить ситуация с неплатежами).

При всем этом российские предприниматели за удивительно короткое время прочно вошли в структуру общества. Они быстро набирают силу, имеют свои общественные организации. Их голос слышен в группах власти, среди тех, кто определяет будущее страны. Они не лишены понимания своего общественного долга.

Столь же интенсивно растут и новые экономические слои работников, занятых в обслуживании бизнеса, — от менеджеров частных фирм до частной охраны. Компьютеризация российского рынка создала условия для интенсивного роста численности банковских служащих, биржевых маклеров, риэлтеров, диллеров, торговых посредников и т.д.

В российском обществе формируется и средний класс, основу которого составляют субъекты экономики. Именно поэтому под "средним классом" чаще всего имеют в виду тех же самых людей — бизнесменов и предпринимателей, поскольку по своему экономическому статусу они, как правило, не "тянут" на крупных капиталистов. Но под средним классом понимают более широкую социальную совокупность, чем только средней руки бизнесменов и малый бизнес. Так, в ответах на вопрос "Из кого может сформироваться в России средний класс?" — двести экспертов ВЦИОМ дали следующие ответы: из мелких и средних предпринимателей, мелких торговцев, фермеров — 59%; из ИТР и других специалистов — 39%; из рабочих и колхозников — 30%; из представителей госаппарата — ответственных работников министерств и ведомств — 18%; из всех тех, кто получает высокие доходы — 13%; из любых слоев, порвавших свою зависимость от государства — 11 %; из коммерческих посредников — 11 %; из директоров и администраторов госпредприятий — 10%; из сотрудников частных фирм и банков — 9%; из ученых — 8%. Эти оценки можно интерпретировать так, что эксперты видят в российском обществе хорошую социальную базу для развития рынка [7].

Классы бывшего советского общества в новых условиях

Формирование в России новой социальной стратификации включает два разных процесса — возникновения новых классов и слоев и трансформации тех, которые были в СССР. Охарактеризовав первый процесс, кратко остановлюсь на втором.

Если говорить о рабочем классе, то прежде всего произошла его демифологизация. Отброшен фундаментальный миф КПСС о руководящей роли рабочего класса в строительстве социализма, базировавшийся на более ранней мифе о диктатуре пролетариата в условиях перехода от капитализма к коммунизму. Как известно, ни первая, ни вторая официальные концепции не имели ничего общего с действительностью. Как не имел его и еще один миф — об участии рабочих в управлении производством. На деле такой реальной роли советский рабочий класс не играл, напротив, нещадно эксплуатировался государством, маскировавшимся под общенародное. Историческая роль перестройки в том, что впервые рабочие получили возможность открыто выражать свои отраслевые, профессиональные, общеклассовые интересы, бороться за них. Массовые забастовки дали обществу реальное представление об условиях труда и жизни миллионов рабочих.

Переход к рыночной экономике не столько меняет социально-экономическое положение рабочего класса, сколько уточняет его формальный статус, снимает идеологический туман: отныне немалая часть рабочих будут наемными работниками как государства, так и частных фирм. Во времена СССР статус рабочих как наемной силы государства тщательно скрывался, чему и служили их мифические социальные роли. Не будет преувеличением сказать, что советские рабочие были "теневыми наемными работниками". С вступлением в рынок эта "тень" исчезает. Обретенное же право бороться за свои интересы с работодателями меняет реальное положение рабочих, делает его более обнадеживающим.

Что касается крестьянства, то главная перемена в его положении — расширение области свободы экономического поведения. Колхозники и рабочие совхозов получили право выхода из хозяйств с теми паями, которые получены в результате так называемой реорганизации колхозов и совхозов (1991-1993 годы). Это явилось одним из каналов формирования нового класса — фермеров. Отмерли остатки прежних ограничений на ведение личных подсобных хозяйств. Раскрылись новые возможности для установления прямых экономических связей с производителями техники, запчастей, кормов, удобрений, как и с потребителями продукции. При всех известных финансовых трудностях имеющаяся сегодня область свободы в немалой мере компенсирует потери в экономических условиях труда и жизни работников сельского хозяйства.

Наконец, если говорить о третьем "участнике" социальной структуры советского общества — специалистах с высшим образованием, называвшихся интеллигенцией, то ее формальный статус резко снизился. Хотя бы потому, что в СССР она рассматривалась как

базовый элемент известной формулы "два класса — один слой", то есть как один из "столпов" общества. Нынче же ее именуют не иначе, чем "бюджетниками". Экономическое положение интеллигенции тоже снижено: достаточно указать на положение учителей, ученых и врачей.

Естественный вопрос: каков же механизм процесса формирования в России новой экономической стратификации, что именно меняет положение одних групп и формирует другие, новые группы?

Новые критерии дифференциации

Главное, что следует определить: какие именно внешние условия и черты самого населения приводят к той или иной его дифференциации на экономически разные группы. В западной социологии ими считаются следующие: 1) экономический статус индивида — характер и размер той собственности, того капитала, которыми он владеет, его место в иерархии собственников данной страны и мира; 2) статус власти — место индивида в иерархии власти, зависящее оттого, какими объектами он управляет, сколько людей подчинены ему, какой важности решения он принимает, на что может влиять; 3) уровень образования, проявляющийся в профессиональной компетентности и общей культуре; 4) стиль жизни — накопленное богатство индивида и его семьи, текущее потребление, характер района проживания и жилья, круг общения, характер досуга, ценности и нормы поведения; 5) престиж индивида — отношение к нему общества и непосредственного окружения.

Эти критерии универсальны, действуют во всех обществах. Но их содержание в разных обществах различно. Так, для нынешней России характерна дифференциация новых собственников по "теневым" экономическим критериям — таким, как источники и истинные масштабы просроченной задолженности, масштабы капитала за рубежом, внешнеэкономические связи, близость к аппарату федеральной и местной власти, деловые связи с политическими и иными социальными кругами в России и за ее пределами.

Но откуда берется, чем определяется глубина дифференциации людей по тем или иным критериям? Она зависит, с одной стороны, от объективных условий (политических, экономических, социальных), которые складываются в стране, а с другой — от отношения людей к самим критериям дифференциации. Например, что больше ценят жители данного общества — высокие посты в иерархии власти или высокий уровень компетентности, богатство или чистую совесть. Ранги значимости разных критериев ("это очень важно", "это не важно") определяются престижем соответствующих ценностей в данном обществе, что, в свою очередь, объясняется его культурными традициями.

В нынешней России все это только начинает складываться. В СССР критерии дифференциации не работали по двум причинам: огосударствления всей общественной жизни и идеологизированности сознания. Ведь экономические критерии — собственность, доход — могут играть дифференцирующую роль только в условиях экономической свободы. Аналогично и такой критерий, как причастность к власти, начинает приобретать серьезное значение лишь при истинной демократичности режима, выборности должностных лиц и т.п. Сейчас такие условия появились.

Из сказанного видно, что в основе той новой социальной стратификации, которая начала складываться в России, лежит не механическое распределение людей по тем или иным критериям, а нечто гораздо более сложное — формирование новых ценностей и новых иерархий престижа разных благ.

Процесс формирования в России иерархии реальных собственников имеет три общесоциальные особенности, отличающие его от многих других процессов, которые сегодня идут в стране. Во-первых, он протекает не столь демонстрационно, открыто, как, например, перемещения беженцев или динамика забастовок, к чему привлечено всеобщее внимание. Напротив, общество не фиксирует, когда именно возникли те или иные группы бизнесменов, какова их численность в тот или иной момент и т.п. Во-вторых, этот процесс затрагивает не какие-то отдельные, единичные, а практически все группы общества. В-третьих, в принципе он растянут во времени, не может произойти одномоментно. При всех этих особенностях формирование новой экономической стратификации — мощный

социальный механизм, который, хотя и медленно, но явно меняет тип общества. Каким оно будет в терминах привычного социального анализа (социализм-капитализм, демократия-авторитаризм), сейчас сказать трудно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Известия. 1994. 29 июня.
2. Косалс Л.Я., Шувалова О.Р., Рывкина Р.В. Перемены в России в 1993-1994 годах: мнение экспертов. Информационный бюллетень мониторинга ВЦИОМ, 1994. №4.
3. Косалс Л.Я., Рывкина Р.В. Собственники российских промышленных предприятий: анализ мнений директоров и оценок экспертов. Научный отчет. М.: МЦИЭР, 1993.
4. Рывкина Р.В., Киселев С.В., Косалс Л.Я., Кузнецов М.В., Увицкая Ю.С. и др. Субъекты аграрной экономики в новых условиях: Отчет об исследовании. М.: ВЦИОМ, 1994.
5. Новые российские миллионеры. Известия. 1994. 7 сентября.
6. Рывкина Р.В. Между социализмом и рынком: Судьба рыночной экономической культуры в России. М.: Наука, 1994.
7. Рывкина Р.В. Эксперты о среднем классе // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. Интерцентр-ВЦИОМ. М.: АО Аспектпресс, 1993. №6.